

Транснациональные мигранты в пространстве современного города*

Андрей Резаев

Доктор философских наук, профессор, соруководитель лаборатории
«Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ»,
Санкт-Петербургский государственный университет
Адрес: ул. Смольного, д. 1/3, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191124
E-mail: rezaev@hotmail.com

Александр Степанов

Кандидат социологических наук, ассистент кафедры социального анализа
и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Исследователь, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Адрес: ул. Смольного, д. 21, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191124
E-mail: a.m.stepanov@inbox.ru

Павел Лисицын

Кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Адрес: ул. Садовая, д. 21, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191023
E-mail: fox_sociology@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось выявление сходств и различий в освоении женщинами-мигрантами из Таджикистана и Узбекистана городского пространства в стране исхода и в Санкт-Петербурге. Теоретико-методологические рамки исследования обуславливают необходимость анализа повседневной жизни мигрантов на основе изучения степени их интеграции в принимающее сообщество, осмысления особенностей восприятия ими городского пространства Санкт-Петербурга. Участницами исследования стали 28 легальных трудовых мигранток, анализ повседневных практик которых позволил отнести их к числу транснациональных мигрантов. В качестве эмпирических методов исследования выступили глубинные интервью в сочетании с методом ментальных карт. Гипотеза исследования заключалась в двух предположениях. Первое состояло в том, что жизнь мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в Санкт-Петербурге характеризуется набором транснациональных практик, свидетельствующих об их включенности в социальные связи как страны исхода, так и принимающего общества, при этом реальность их повседневной жизни определяется достаточно низкой степенью интеграции в принимающее общество. Согласно второму предположению, ментальные карты Санкт-Петербурга, которые смогут составить мигранты, будут менее детальными и разнообразными по сравнению с ментальными картами места проживания на их родине. Полученные результаты лишь частично подтвердили выдвинутые предположения и обусловили появление вопросов, которые доказывают необходимость проведения дальнейших исследований среди трудовых мигрантов: анализ повседневной жизни на родине

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-20107.

Авторский коллектив выражает благодарность студентам магистратуры факультета социологии СПбГУ 2017–2019 гг. за помощь в подготовке материалов для исследования и обсуждении предварительных результатов.

представительниц разных возрастных групп, социальных слоев и профессий, а также сравнение ментальных карт, составленных мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: ментальные карты, городское пространство, миграционные процессы, транснациональная миграция, женская миграция, транснациональные практики

Перемещения больших масс людей, происходящие сегодня на фоне наличия возможности поддержания постоянных связей (экономических, социальных, политических) со страной исхода с помощью современных информационных технологий, порождают ситуацию, когда в городском пространстве появляются большие социальные группы, идентичность которых не может быть однозначно определена конкретными территориальными образованиями или даже конкретным государством. Значимыми становятся религиозные, культурные, идеологические и другие факторы идентификации, характеризующие соответствующие повседневные практики, в том числе использование и изменение городской инфраструктуры. Такие процессы могут быть описаны в терминах транснациональной миграции.

Исследование, изложению результатов которого посвящена данная статья, было ориентировано, с одной стороны, на заполнение пробелов, связанных с недостаточным вниманием социологов к проблеме женской трудовой миграции на постсоветском пространстве, с другой стороны — на выявление логики освоения городского пространства мигрантами из стран СНГ в России. В качестве объекта исследования выступили женщины-мигранты из Таджикистана и Узбекистана.

Выбор такого объекта исследования обуславливается, во-первых, тем, что исследовательский коллектив уже несколько лет занимается анализом низкоквалифицированной трудовой миграции из стран Средней Азии в Россию и знаком с ее спецификой; в частности, нас интересуют наличие и основные характеристики транснациональных практик у данной категории мигрантов. Во-вторых, в наших исследованиях, проведенных ранее, большинство информантов составляли мужчины (это было связано с особенностями организации исследовательского процесса и поиска контактов), поэтому нам было интересно проверить, насколько полученные ранее выводы могут быть распространены на женскую миграцию.

Гендерная структура миграционных потоков (в данном случае мы имеем в виду трудовую миграцию) формируется в числе множества факторов двумя, с нашей точки зрения, основными: 1) потребностями принимающего общества и 2) сложившимся гендерным разделением труда и установками в стране исхода мигрантов. Первый заключается в наличии запроса на рабочую силу в определенные сектора экономики, которые могут восприниматься работниками как традиционно «мужские» или «женские»; второй может быть выражен в исторически сложившемся гендерном разделении семейных ролей в странах исхода.

За период активного участия России в международных миграционных процессах, начавшегося после распада СССР, некоторые сектора экономики стали зависимы от наличия иностранной рабочей силы. В основном это строительство,

торговля, транспорт, коммунальные услуги и другие сферы, в которых достаточно тяжелые условия труда и не требуется высокая квалификация. Причем если раньше (примерно до начала 2000-х гг.) в большинстве случаев трудовая миграция в Россию была преимущественно мужской, то в последующие периоды доля женщин среди трудовых мигрантов стала расти (Бредникова, Ткач, 2010). Это в том числе явилось следствием расширения сферы услуг, где стала востребована рабочая сила и женщин-мигрантов (Тюрюканова, 2015). Таким образом, сферы занятости низкоквалифицированных трудовых мигрантов в России стали четко разделяться по гендерному признаку. Мужчины, как правило, работают на строительстве, транспорте, в сельском хозяйстве, коммунальном хозяйстве и других тяжелых и зачастую опасных типах занятости; для женщин характерна занятость в сфере досуга, сервиса, домашних услуг, а также в секторе сексуальных услуг (Там же)¹. В то же время, несмотря на изменения в гендерной структуре миграционных потоков, большинство российских научных публикаций не затрагивают эту проблематику, и женщины-мигранты зачастую остаются вне научной рефлексии (Бредникова, Ткач, 2010). Это может объясняться достаточно небольшой долей женщин в миграционном потоке: по официальным данным, лишь 14–17% от общего числа мигрантов составляют женщины (Микиденко, Сторожева, 2016: 36). Хотя, по оценкам некоторых исследователей, доля женской миграции может достигать до 25–30% (Тюрюканова и др., 2016: 5).

Выбор Узбекистана и Таджикистана в качестве стран исхода женщин-мигрантов, которые составили объект нашего исследования, объясняется тем, что они обладают собственной гендерной спецификой: миграция из Узбекистана и Таджикистана является преимущественно мужской, в отличие, например, от Киргизии, Украины и Молдовы (Рочева, 2016). Кроме того, это одни из основных стран-доноров для миграции в Россию. Так, согласно данным ГУВМ МВД РФ, на 1 июня 2018 года из более чем 8 млн 200 тыс. иностранных граждан из стран СНГ, находящихся на территории России, более 3 млн 140 тыс. человек являются выходцами из Таджикистана и Узбекистана (Божеčkова и др., 2018).

Теоретические рамки исследования

Теоретико-методологические основания представленного исследования характеризуются опорой на: а) транснациональный подход к анализу современных миграционных процессов; б) социологию повседневности П. Штомпки (Штомпка, 2009) и в) сравнительную социологию как особую форму организации исследования, когда исследовательский процесс реализуется в цепочке сравнений таким об-

---

1. Справедливость данного разделения подтверждает повседневный опыт взаимодействия в городском пространстве: авторы статьи часто наблюдают мигрантов — работников ЖКХ и строителей, мигранток — продавщиц и уборщиц; можно также обратить внимание на многочисленные объявления о предоставлении сексуальных услуг на улицах Петербурга.

разом, что результаты одного сравнения становятся основанием для следующего этапа сравнения (Rezaev, Starikov, Tregubova, 2015).

Концепция транснациональной миграции представляет собой относительно новый подход к анализу современных миграционных процессов, появившийся в конце XX века как реакция на неадекватные современным реалиям теории ассимиляции и провал проекта мультикультурализма (Костенко 2014; Степанов, 2018(а)). В широком смысле транснациональный подход подразумевает одновременное нахождение мигранта в социальном пространстве, которое, преодолевая границы национальных государств, фиксирует включенность мигранта как в социальные сети страны исхода, так и в социальные сети принимающего общества (Glick Schiller, Basch, Szanton Blanc, 1992; Faist, 2010; Faist, 2013; Kivisto, Faist, 2010). Транснационализм определяет в числе прочего формат и насыщенность взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, «описывает удвоение повседневности и параллельное существование мигрантов, тесную взаимосвязь разных национальных контекстов» (Бредникова, Сабирова, 2015). Необходимо отметить, что транснационализм может рассматриваться, с одной стороны, как исследовательская оптика, которая позволяет преодолеть ограничения использования национального государства в качестве единицы анализа, с другой стороны — как эмпирически фиксируемый феномен. В рамках нашего исследования мы в большей степени придерживались второго понимания транснационализма. В качестве его эмпирически фиксируемого проявления нами рассматривалось наличие в повседневной жизни информантов транснациональных практик, которые определяются как типичные (повседневные для данного типа мигранта) институализированные формы социальной активности, позволяющие мигрантам одновременно участвовать в социальной жизни страны исхода и принимающего общества (Степанов, 2018в). К таковым можно отнести регулярные поездки на родину и обратно, регулярное общение информанта с друзьями и родственниками, оставшимися в стране исхода, регулярные денежные переводы и др. Обращение к социологии повседневности обусловлено самим нашим пониманием транснационализма в качестве эмпирического феномена, фиксируемого на уровне повседневных взаимодействий мигрантов.

Одной из наиболее важных концептуальных разработок (и, по мнению П. Кивисто, наиболее теоретически артикулированной (Kivisto, 2001)) стала идея транснациональных социальных пространств (transnational social spaces) Т. Файста. Согласно концепции Файста, транснациональные социальные пространства (образования, или поля), состоят из «комбинаций социальных и символических полей и их контекстов, позиций в социальных сетях или организациях, или сетях организаций, которые распространяются на два или более национальных государств» (Faist, 2013: 450). Другими словами, термин «транснационализм» характеризует взаимодействия, преодолевающие границы национальных государств. В ходе миграционного процесса, связанного с пересечением границ, два или более национальных государств «взаимопроникают» друг в друга, образуя новое единое

социальное пространство. Такое пространство включает в себя помимо перемещения людей (мигрантов, включенных в транснациональные отношения) и объектов материальной культуры, свободную циркуляцию ценностей, идей, смыслов, значимых для мигранта (Ibid.: 452).

Транснациональный подход в исследованиях миграционных процессов на постсоветском пространстве является одним из наиболее эвристически ценных с точки зрения возможности фиксировать принципиальные характеристики данных процессов (Абашин, 2012; Пешкова, 2018; Степанов, 2018б). Проблематика освоения мигрантами городского пространства, вопросы их социальной включенности и исключенности также являются актуальными, находя свое отражение в работах отечественных исследователей (Варшавер, Рочева, 2014; Деминцева, Пешкова, 2014; Баранова, Федорова, 2017). Тем не менее насколько известно авторам статьи, в исследованиях, посвященных вопросам миграции на территории бывшего СССР, до сих пор не предпринималась попытка связать транснационализм и логику освоения городского пространства мигрантами.

Таким образом, выбранные теоретические рамки позволяют нам воспроизвести логику освоения городского пространства женщинами-мигрантами, опираясь на реализацию ими транснациональных практик. В свою очередь, изучение реализации их повседневности в транснациональных социальных пространствах даст возможность сравнить логику освоения городского пространства на родине и в принимающем обществе с учетом реализации отдельных фрагментов повседневности в границах отдельных национальных государств.

Методология и гипотеза исследования

В ходе исследования были проведены 28 глубинных интервью с женщинами — легальными трудовыми мигрантами, приехавшими в Санкт-Петербург из Узбекистана (16 человек) и Таджикистана (12 человек). Метод интервью был дополнен методом ментальных карт: мы просили информантов нарисовать карты Санкт-Петербурга и места их проживания на родине. Исследование было направлено, с одной стороны, на изучение повседневности, выявление формата и групп общения женщин-мигрантов на принимающей территории, с другой стороны — на понимание логики освоения городского пространства Санкт-Петербурга. Основной исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: каковы основные сходства и различия в логике освоения городского пространства женщинами-мигрантами на принимающей территории и в стране исхода, а также каким образом транснациональный характер миграции влияет на логику освоения городского пространства в принимающем обществе?

Исходя из теоретических рамок нашего исследования, для ответа на этот вопрос необходимо обращение к повседневной жизни мигрантов. Именно повседневность, формы и интенсивность взаимодействий мигрантов с представителями принимающего общества и между собой определяют способы и необходимость

освоения окружающего пространства. Кроме того, определение транснационального характера жизни мигрантов возможно также посредством анализа повседневной активности участниц нашего исследования. Используемая методика исследования, сочетающая в себе интервью и ментальные карты, позволяет, с одной стороны, оценить степень интеграции мигрантов в принимающее общество, разнообразие социальных контактов и повседневной жизни, выявить основные сложности, с которыми они сталкиваются, с другой стороны — посредством сравнительного анализа ментальных карт, нарисованных информантами, выявить основные сходства и различия в использовании городского пространства на родине и на принимающей территории.

Ментальные карты представляют собой способ «фиксации наших представлений (образов) о географическом пространстве города» (Митин, 2017) и выступают как «исследовательский метод и одновременно продукт применения этого метода» (Веселкова, 2010). Точкой отсчета применения ментальных карт для изучения городского пространства можно считать работу Кевина Линча «Образ города» (Линч, 1982), ставшую классикой для исследователей данной проблематики. К. Линч предложил использовать совокупность абстрактных и субъектных характеристик восприятия города, отнеся к первым путь, ориентир, границу, узел, район, ко вторым — опознаваемость, структуру, значение места для информанта (Веселкова, 2010). Однако Линч не был первым исследователем, кто заговорил о ментальных картах. Родоначальником понятия принято считать Эдварда Толмена (1948 г.), хотя в литературе можно встретить и более ранние упоминания данного термина (Митин, 2017).

Использование метода ментальных карт при анализе миграционных процессов также имеет достаточно долгую историю, продолжая оставаться актуальным и по сей день. Так, в 1974 году Г. Фуллер и М. Чапман (Fuller, Chapman, 1974) опубликовали результаты исследования, в ходе которого просили выходцев из разных стран нарисовать карту США с обозначением наиболее и наименее предпочтительных мест для проживания. Из относительно недавних работ можно назвать исследование Х. Джунг (Jung, 2014), посвященное женской брачной миграции в Южной Корее.

В рамках настоящего исследования фокус исследовательского интереса был сосредоточен на специфике освоения окружающего пространства транснациональными трудовыми мигрантами. Такая специфика объекта исследования потребовала поиска новых вариантов использования данного метода. В определении понятия «ментальные карты» мы соглашаемся с подходом Н. В. Веселковой, которая определяет их как «изображение местности, выполненное информантом по просьбе исследователя» (Веселкова, 2010), выделяя при этом четыре методических критерия, которые отличают ментальные карты от близких методов и практик: 1) визуализация изучаемых представлений; 2) визуализация представлений о конкретной местности; 3) принадлежность авторства карты информанту; 4) создание карты для конкретного исследования (Там же).

Применение метода ментальных карт в нашем исследовании в полной мере соответствует обозначенным критериям. В то же время необходимо отметить, что он использовался в несколько модифицированном виде. Если традиционно этот метод применяется исследователями для изучения субъективного восприятия городского пространства различными социальными группами (см., например: Орлова, Иванова, 2014; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013) и выражается в визуальном изображении либо самого города, либо субъективного представления информанта о городе, то в логике нашего исследования ментальные карты являлись определенным объективирующим показателем использования мигрантами городского пространства. В рамках данного исследования нас в большей степени интересовало не само отображение пространства — города в целом или его отдельного района, а скорее схематическая репрезентация практик освоения города, их пространственное и временное измерение. В этом смысле выбранная методика представляет собой некий новый инструмент для эмпирического анализа миграционных процессов.

После проведения интервью мы предлагали участницам опроса нарисовать две карты, которые должны отражать их повседневные практики, связанные с перемещением в рамках населенного пункта. На первой карте они должны были изобразить свою повседневную активность в месте их проживания в стране исхода, на второй — в Санкт-Петербурге. При этом информантам были даны следующие указания по рисованию карт. В центре карты должен находиться дом — место постоянного проживания участниц исследования, и относительно его должны были схематично изображены те места, которые они посещают с определенной периодичностью. При этом необходимо было указать расстояние от дома до определенного места и время, которое требуется, чтобы до него добраться.

Гипотеза исследования, основанная на анализе литературы и опыте предыдущих исследований авторского коллектива, заключалась в двух предположениях. Первое из них состоит в том, что участницы исследования из Узбекистана и Таджикистана будут обладать набором транснациональных практик, свидетельствующих об их включенности в социальные связи как страны исхода, так и принимающего общества, при этом их повседневность будет характеризоваться достаточно низкой степенью интеграции в принимающее общество. Второе предположение является следствием первого и состоит в том, что ментальные карты Санкт-Петербурга, нарисованные информантами, будут менее подробны и разнообразны по сравнению с ментальными картами места проживания на родине.

Наша идея заключалась в том, чтобы, оценив масштаб освоения городского пространства Санкт-Петербурга, понять его логику (цель пространственных перемещений, функционал и разнообразие посещаемых мест и т. п.). Одно из предположений, как было сказано выше, заключалось в том, что освоение информантами городского пространства будет определяться, во-первых, необходимостью удовлетворения базовых потребностей в условиях «чужого» города и, во-вторых, низкой степенью интеграции в принимающее общество, что нашло подтверждение

при анализе результатов интервью. При этом, по нашему предположению, освоение пространства места жительства на родине должно, наоборот, обуславливаться обширностью социальных связей, разнообразием досуговых практик и в целом повседневной жизни. В качестве показателей освоения пространства были выбраны следующие: количество обычно посещаемых мест, время в пути и расстояние от дома (места проживания) до каждого из них, разнообразие удовлетворяемых потребностей за счет посещения определенных мест.

Результаты исследования

Анализ интервью

Все участницы исследования являются легальными низкоквалифицированными трудовыми мигрантами. В целом, характеризуя участниц исследования, необходимо заметить, что их состав достаточно однороден по своим социально-экономическим характеристикам: все они имеют общую цель приезда — стремление заработать, а также сходны по своему семейному положению, социальному и экономическому статусу на принимающей территории. Все участницы старше 30 лет, имеют семью, детей, все заняты на низкоквалифицированной работе. Критериями, по которым можно разделить наших информантов, являются размер поселения, откуда они приехали, а также срок нахождения на территории России — от четырех месяцев до четырех лет, — но, как показали результаты исследования, они не влияют на характер освоения городского пространства принимающей территории.

Анализируя результаты проведенных интервью, мы будем придерживаться двух основных направлений исследовательского интереса к повседневной жизни мигрантов: 1) наличие и формы проявления в их повседневной жизни транснациональных практик; 2) степень интеграции в принимающее общество. Основываясь на результатах предыдущих исследований, к числу основных (наиболее типичных для данного типа миграции) транснациональных практик мы относим регулярное общение с друзьями и родственниками, оставшимися на родине, регулярные денежные переводы, а также регулярные поездки из страны исхода в принимающую страну и обратно².

Проведенные интервью позволяют утверждать, что повседневность наших информантов явным образом протекает в пространстве, которое не может быть ограничено одним национальным государством. Для всех без исключения участниц исследования характерны транснациональные практики, которые фиксируют их участие в социальных связях как страны исхода, так и принимающего общества. Во-первых, это выражается в постоянном общении с родственниками, которые остались на родине. По словам наших информантов, это общение происходит

---

2. Кроме того, к числу транснациональных практик могут относиться активное участие в политической жизни обоих государств, трансграничная торговля и др.

ежедневно и реализуется в основном посредством мессенджеров и интернета. При этом зачастую удаленное общение является более эмоционально-насыщенным и значимым для мигранта, чем живое общение на принимающей территории, ввиду того, что это общение с близкими родственниками.

«Мы каждый день звоним, разговариваем... по телефону, смс, по интернету».

«Без них никак. Каждый день с ними общаемся по телефону»... «По сколько минут... Ну вот если сейчас на работе, вечером дома... По выходным мы побольше, а так если в рабочее время никак, то вечером. Ну где-то минут 15–20 можем так поговорить по телефону. А так, когда время есть...» «О чем разговариваем... Ну так спрашиваешь, как там живет дочка. Нас больше что интересует, ихняя жизнь. Мы здесь, а у них там...»

«Тут... ой, нет, тут еще не сталкивалась я ни с какими проблемами... переживания, что-то такое, то только с дочкой могу поговорить...»

«По вотсапу, да... Утром дочка мне уже... здороваается, вот... «Мама, доброе утро! Как дела?»... Я чувствую это... очень хорошо здесь».

«Мама там с сыном... она не сможет по интернету там общаться, мы только по телефону общаемся. Звоню, со мной общается как бы, все-таки вот... С мамой часто общаемся».

Во-вторых, все участницы исследования рассказали, что ежемесячно совершают денежные переводы на родину своим близким. Это свидетельствует об их участии в экономической жизни страны исхода: сумма таких переводов варьируется от 5 до 15 тыс. руб. в месяц. В целом структура расходов состоит из оплаты аренды жилья, трат на продление/получение разрешительных документов для работы, расходов на текущие нужды (питание, проезд) и той части, которая отправляется на родину. При этом последняя статья расходов составляет примерно от 30 до 50% суммарного дохода за месяц.

«Конечно, обязательно посылаем... раз в месяц... Ну сейчас примерно 150 долларов, вот так где-то».

«Конечно, деньги там мало, ничего нет, зарплата очень маленький, жить там... очень плохо, как бы сказать. Вот решила сюда зарабатывать. Зарабатываю очень хорошо, на все мне хватит... посылаю каждый месяц туда... по-разному получается... когда 7 тыс., иногда 12 вот... в прошлом месяце...».

«Да, за патент платим, регистрацию делаем, за квартиру, за дорогу, все, половина туда».

«Ну для себя что-нибудь покупаю, одежда, да, это все. Кроме этого, больше никуда, не буду ничего платить, никуда тратить, этого мне хватает... остальное домой отправляю».

В-третьих, все женщины, с которыми нам удалось побеседовать, с разной степенью периодичности ездят на родину, что также указывает на транснациональный характер их перемещений. Частота поездок связана прежде всего с финансовой возможностью купить билет, а также зачастую обусловливается необходимостью соблюдать формальные правила нахождения на территории РФ.

Таким образом, наличие в повседневной жизни участниц исследования обозначенных транснациональных практик позволяет рассматривать их как транснациональных мигрантов.

Вторым направлением исследовательского интереса было определение степени интеграции наших информантов в принимающее общество. В данном случае мы опирались на подход Л. Ременник, которая, основываясь на исследованиях транснациональной миграции в Израиль, предложила использовать следующие эмпирические критерии для оценки степени интеграции транснациональных мигрантов в принимающее общество: владение языком принимающей страны, наличие квалифицированной работы и разнообразие социальных связей, включающих представителей принимающей стороны (Remennick, 2002). Примеряя данные критерии к нашим интервью, мы можем констатировать у наших информантов достаточно низкую степень интеграции в российское общество.

Первое и самое очевидное в данном перечне критериев — уровень владения русским языком. Надо отметить, что в целом все женщины достаточно неплохо говорили по-русски. Объяснения этому даже в рамках нашего исследования могут быть различными: кто-то учился в русской школе, кто-то уже достаточно долго работает в России и т. п.

«Я училась в русской школе. У нас общение было русское».

«...когда я училась в школе, тогда это у нас была русский язык, мы очень любили этот язык и сейчас тоже любим...»

Тем не менее другие эмпирические критерии не подтверждают высокую степень интеграции участниц исследования в принимающее общество. Во-первых, ни одна из них, как уже было отмечено, не имела квалифицированной работы — все женщины заняты низкоквалифицированным трудом (уборщицы, мойщицы посуды, повара или официантки в небольших кафе) с невысокой заработной платой. Во-вторых, набор социальных связей наших участниц в принимающем обществе в основном ограничивался небольшим кругом родственников, проживающих в Санкт-Петербурге, и одной-двумя коллегами по работе, с которыми нигде, кроме работы, они не общаются.

«Ну я это... так... она... я это... хочу в гости это сходить, ну это... Мне это... некогда, некогда. Вот это... хочу в гости. Но я это, когда... это Горьковская метро, я как-то зашла это... к её родственнице... жена брата вот... но она уехала, оказывается. Я передала привет и всё. Да, вот так вот. А так это хочется, конечно, но выходные так быстро заканчиваются. Ну высыпаться, пока то-сё, пока это... Вот... И я, например, это... прихожу с работы, допустим, в полпервого, иногда пораньше это... в час... и я это... просто... не хочется спать. Вот вроде устаёшь, а просто наслаждаешься: ставишь чайник, чай пьёшь вот. Просто это... отдыхаешь, наслаждаешься. Да-да... Посмотрю и уже потом, когда уже... засыпаю... Ну мне не одиноко, вот. У меня соседи это — «к нам заходи!». Я вообще не люблю. Я и дома к соседям не заходила. Мне вот это вот... Ну не знаю, вот эти вот пустые разговоры — ну мне не интересно общение, например. Ну так вот...».

«У меня только Катя здесь местная и все, больше нету. Только с ней я общаюсь».

«...почти ни с кем... так на работе... ну пока мало... я недавно здесь».

Таким образом, проведенные интервью демонстрируют определенную схожесть повседневных практик участниц нашего исследования с практиками мужчин-мигрантов, выявленными в более ранних исследованиях авторского коллектива³. Однако в рамках данной статьи для нас важен другой вывод: анализ интервью показал, что повседневность участниц исследования характеризуется стремлением к удовлетворению широкого круга желаний и потребностей. Они стремятся заработать как можно больше денег для того, чтобы помочь родственникам на родине, работая зачастую без выходных по 12–16 часов в день; находясь вдали от родных, они стремятся постоянно поддерживать связь с ними, как правило, посредством мессенджеров и интернета, в то же время перед участницами исследования стоит задача обеспечить свое существование на принимающей территории. Как следует из результатов интервью, удовлетворение этих желаний происходит в том числе посредством транснациональных практик, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что удовлетворение различных желаний и потребностей происходит внутри одного транснационального социального пространства, конструируемого нашими информантами, но в границах разных национальных государств. Это позволяет нам предположить, что логика освоения городского пространства будет определяться кругом тех потребностей и желаний, которые удовлетворяются в границах конкретного национального государства.

---

3. В данном случае речь идет о сравнении выявленных характеристик женской трудовой миграции из Узбекистана и Таджикистана в Россию с мужской. Характеристику транснациональных практик мигрантов-мужчин см. в: Степанов, 2018б; Лисицын, Степанов, 2018.

Анализ ментальных карт

Анализ ментальных карт Санкт-Петербурга, нарисованных участницами исследования, подтвердил наше предположение о том, что технология освоения городского пространства на принимающей территории будет выстраиваться, исходя из низкой степени интеграции в принимающее общество и тех желаний и потребностей, которые будут удовлетворены в границах принимающего государства. Анализ этих рисунков демонстрирует избирательность освоения ими окружающего пространства: места регулярного посещения чаще всего ограничиваются работой и магазинами около дома. При этом количество объектов на картах, помимо места проживания, варьировалось от одного до четырех. Другими словами, повседневность участниц исследования строится вокруг зарабатывания денег без ориентации на выстраивание социальных связей с представителями принимающего общества. На это указывает отсутствие на картах мест реализации досуговых практик. Отчасти в качестве таковых можно рассматривать парки и торговые центры, указанные на некоторых рисунках, однако эти места нельзя однозначно маркировать как ориентированные на развитие социальных связей. В случае наших информантов они служат скорее рекреационной цели, когда можно «погулять» по торговому центру или по парку по пути на работу или с работы. У пяти участниц исследования на карте были указаны кафе или кинотеатры, но частота их посещения оказалась низкой — не чаще одного раза в месяц.

В целом, если попытаться реконструировать повседневность женщин-мигрантов в принимающем обществе, исходя из анализа ментальных карт, ее можно представить следующим образом. Основное место занимает работа, на которую они ходят 5–6 дней в неделю, при этом дорога занимает от 20 мин до 1,5 часа; примерно 2–3 раза в неделю наши информанты ходят в магазины, расположенные в пешей доступности от места проживания. Свободное время они преимущественно проводят дома, занимаясь домашними делами. Те информанты, у которых в Санкт-Петербурге есть родственники, живущие отдельно, ходят к ним в гости, но это происходит 1–2 раза в месяц. Примерно с такой же периодичностью некоторые из них посещают большие торговые центры. Также в числе ежемесячно посещаемых мест многие из участниц исследования отметили почту, что неудивительно, учитывая, что все они посылают деньги на родину.

Ниже представлены карты, нарисованные двумя нашими информантами (рис. 1–4): 1 и 2 — карты Санкт-Петербурга, 3 и 4 — мест проживания на родине. Выбор рисунков именно этих участниц исследования был обусловлен логикой сравнения противоположных случаев по критерию продолжительности пребывания в Санкт-Петербурге. Рисунки 1 и 3 принадлежат участнице нашего исследования из Таджикистана: ей 32 года, она живет в Петербурге 4 месяца, на родине остались родители, муж и сын, на момент интервью работала посудомойкой в ресторане, близких знакомых в Петербурге нет. Как видно из рисунка, ее повседневность сводится к формуле «дом — работа». Логика освоения окружающего

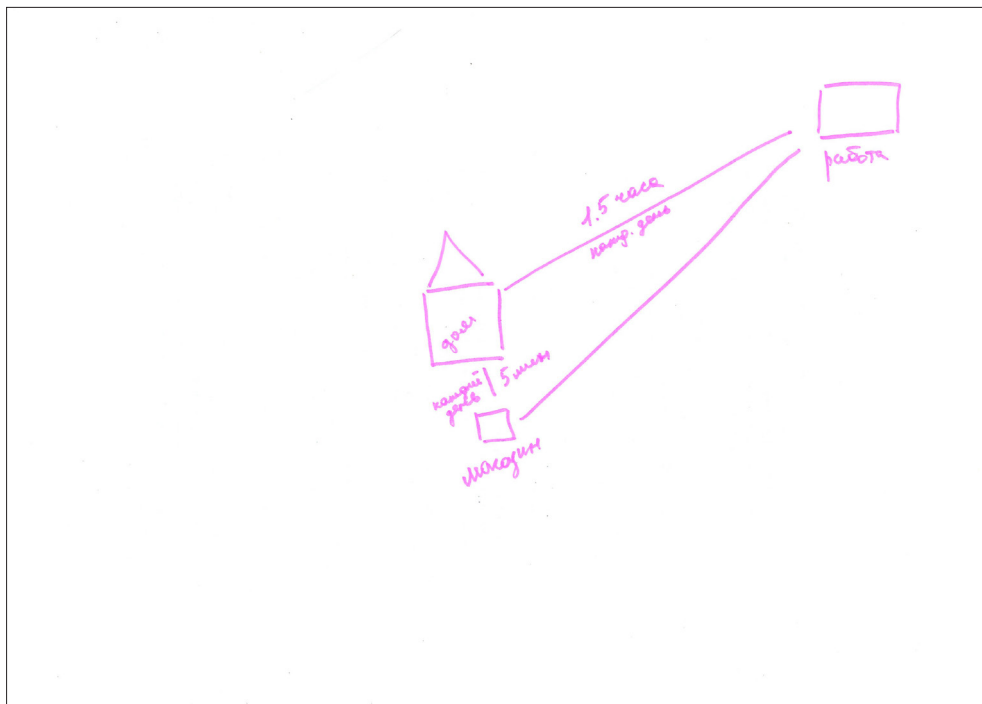

Рис. 1

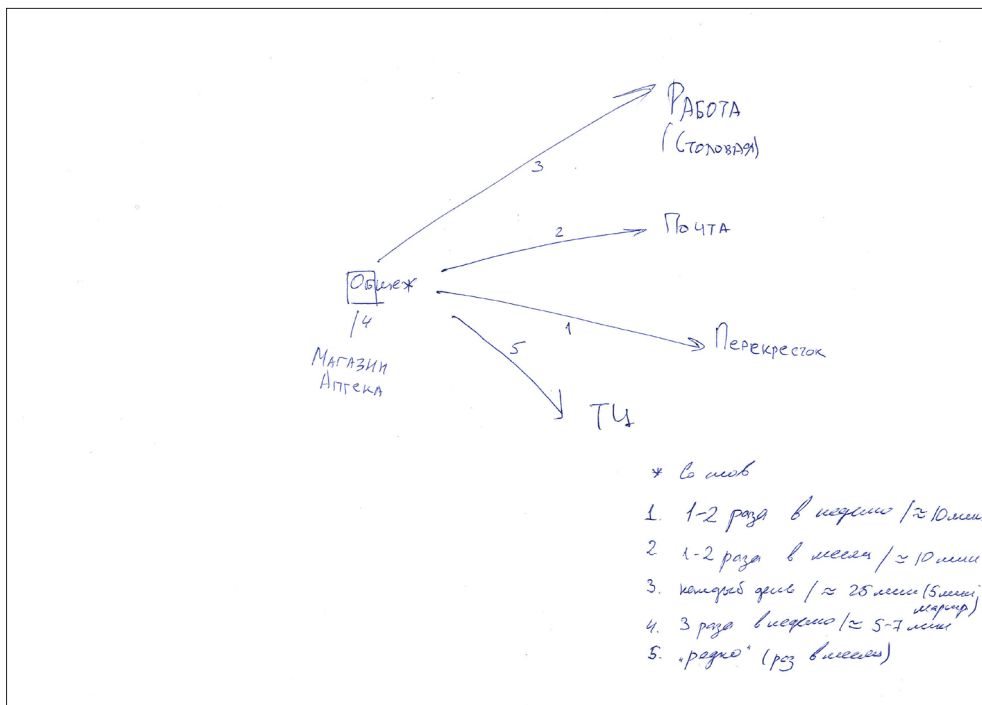

Рис. 2

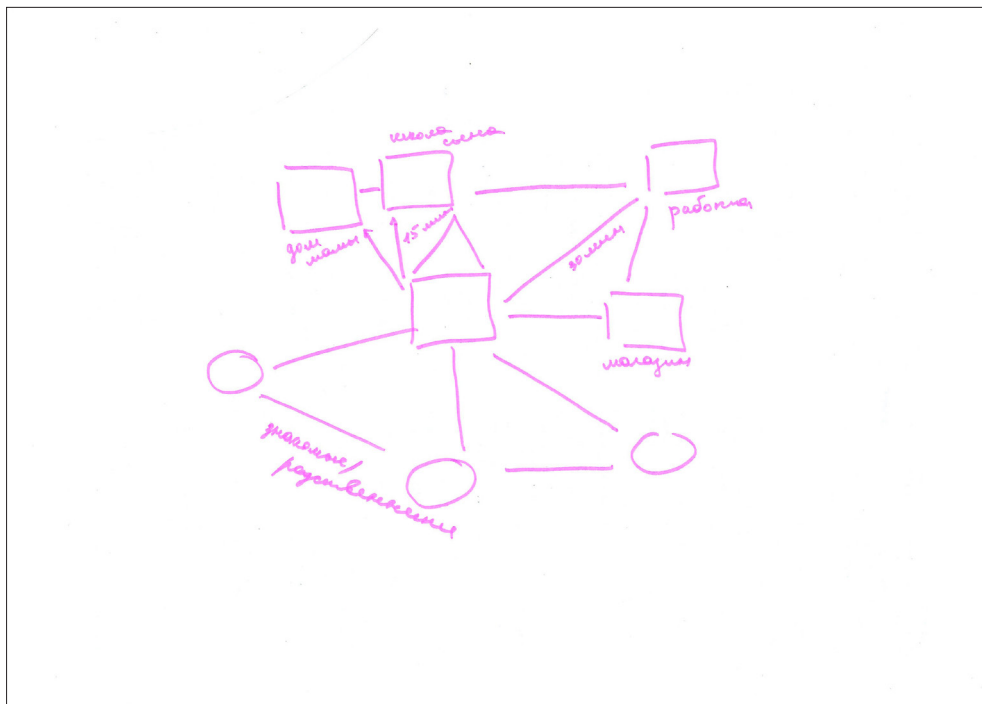

Рис. 3

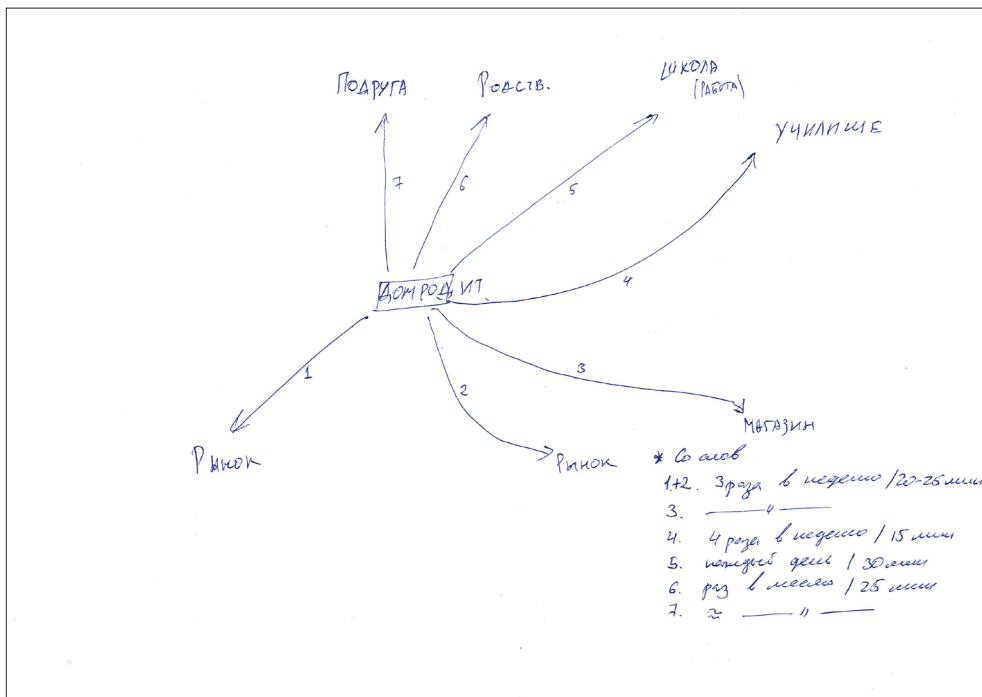

Рис. 4

городского пространства диктуется необходимостью зарабатывания денег и удовлетворения базовых потребностей (в пище). Судя по нарисованной карте, в границах принимающего общества не происходит реализации ни досуговых практик, ни практик, связанных с общением и взаимодействием вне работы. Эти практики вынесены за границы принимающего общества и происходят в транснациональном социальном пространстве, которое конструируется самой участницей исследования, посредством удаленного общения с родственниками и друзьями на родине.

Карта Санкт-Петербурга, которую нарисовала другая участница исследования из Узбекистана (город Фергана) (рис. 2), немного более разнообразна: на ней появляются крупные магазины («Перекресток»), торговый центр и почта. Тем не менее, как и на первой карте, практически полностью отсутствуют места реализации досуговых и коммуникативных практик. Увеличение количества посещаемых мест связано, скорее всего, с более длительным сроком пребывания в Санкт-Петербурге: эта карта принадлежит женщине в возрасте 34 лет, которая живет в Петербурге почти 4 года, работает официанткой в этническом кафе. На родине у нее остались родители и двое детей, общение с которыми происходит ежедневно, раз в год она ездит домой. В Санкт-Петербурге общение со знакомыми (также выходцами из Узбекистана) происходит только на работе, взаимодействие с представителями принимающего общества носит эпизодический характер.

Рассматривая карты мест проживания на родине, нарисованные этими же участницами исследования, следует обратить внимание на то, что, хотя количество мест регулярного посещения увеличивается, разнообразие их функционала не столь очевидно. Увеличивается количество мест покупки продуктов питания (появляются рынки), появляются места общения с друзьями и родственниками (дома родителей, подруг), но места реализации досуговых практик по-прежнему отсутствуют.

В целом необходимо отметить, что сравнительный анализ ментальных карт Санкт-Петербурга с картами мест проживания на родине дал не вполне ожидаемые результаты. Оказалось, что наша гипотеза о существенном различии двух видов карт подтвердилась не в полной мере. По числу посещаемых объектов ментальные карты мест проживания на родине оказались более разнообразными по сравнению с картами Санкт-Петербурга, но не в той степени, в которой мы ожидали. Количество объектов на этих картах было в среднем лишь на 2–3 больше, чем на картах Санкт-Петербурга. В качестве таких «дополнительных» мест посещения были обозначены рынки и базары, а также дома родственников и знакомых. При этом частота посещения этих мест также оказалась довольно низкой. Так, участницы исследования отметили, что, проживая на родине, родственников они посещают в среднем примерно 1–2 раза в месяц, на рынок или базар ходят 1–3 раза в неделю. Если говорить о расстояниях, которые преодолевают наши информанты, посещая различные места, обозначенные на картах, то в местах проживания на родине эти расстояния оказались в целом меньше, чем в Санкт-Петербурге, что

отчасти объясняется типом поселений в странах исхода, значительно уступающим по площади Санкт-Петербургу.

Также надо отметить, что карты, нарисованные участницами исследования, мало чем отличались друг от друга, причем это касается как карт Санкт-Петербурга, так и карт мест проживания на родине. На первых картах отличия состояли в количестве посещаемых магазинов и тем, указали информанты почту или нет, во втором случае отличие заключалось в количестве родственников, которых навещали наши информанты. Также не было выявлено различий в картах приехавших из Узбекистана и Таджикистана. Различие было отмечено в ментальных картах мест проживания в странах исхода у женщин из крупных (Душанбе, Фергана, Ташкент) и малых городов, и оно заключалось лишь в удаленности от дома регулярно посещаемых мест.

Выявленные незначительные различия в ментальных картах Санкт-Петербурга и мест проживания участниц исследования на родине⁴ могут быть объяснены определенными сходствами в формате и направленности повседневного общения информантов. Это сходство может быть обусловлено тем, что почти все они находятся в Санкт-Петербурге с кем-либо из родственников. Кроме того, в некоторых интервью можно найти указания на достаточно однообразную и скупую на общение повседневность наших участниц на родине. Основным кругом общения на родине для них являлась семья и немногочисленные подруги. И хотя такие описания жизни на родине дали не все информанты, схожесть их социального портрета может указывать и на схожесть повседневных практик на родине. Это, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости проведения сравнительного исследования повседневной жизни на родине представительниц разных возрастных групп и социальных слоев, а также сравнения освоения городского пространства мужчинами и женщинами.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует заметить, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась лишь частично. Женщины-мигранты из Узбекистана и Таджикистана действительно обладают набором транснациональных практик, свидетельствующих об их включенности в социальные связи как страны исхода, так и принимающего общества, при этом повседневность характеризуется достаточно низкой степенью интеграции в принимающее общество. В этом отношении их транснационализм типичен для низкоквалифицированной трудовой миграции на постсоветском пространстве, и женская миграция здесь, по-видимому, принципиально не отличается от мужской. Тем не менее предположение о том, что менталь-

---

4. В данном случае остается открытым вопрос о том, в какой момент количественные различия могут интерпретироваться как качественные. С нашей точки зрения, о таком переходе может свидетельствовать повышение разнообразия функционала посещаемых мест и удовлетворяемых за счет этого потребностей.

ные карты Санкт-Петербурга, нарисованные информантами, будут менее подробны и разнообразны по сравнению с ментальными картами места проживания на родине, в целом не подтвердилось.

Таким образом, мы сталкиваемся с загадочной ситуацией. С одной стороны, даже находясь в Санкт-Петербурге, женщины-мигранты из Узбекистана и Таджикистана поддерживают интенсивные связи с родиной; с другой стороны, анализ ментальных карт места пребывания и места исхода выявил лишь незначительные различия в освоении пространства. С чем это связано — с разницей в размерах поселения? С концентрацией социальных связей в стране исхода, так, что мигранты имеют лишь относительно небольшую, но эмоционально насыщенную группу контактов? Или слабая интеграция в общество имеет место как в России, так и на родине? Связаны ли полученные результаты с гендерными особенностями организации социальной жизни (скажем, с меньшим участием женщин в общественной жизни), с разрушением социальных связей в ходе постсоветских трансформаций или с чем-то иным? Эти вопросы влекут за собой проблему изменения, в частности — проблему адаптации метода ментальных карт для более тонкой фиксации не только формальных, но и содержательных (эмоциональных) аспектов освоения городского пространства.

Кроме того, полученные результаты ставят перед авторским коллективом и другими исследователями ряд более общих вопросов. Во-первых, насколько логика освоения городского пространства принимающей территории обусловлена гендерной принадлежностью транснациональных мигрантов? Если такая связь есть, каковы механизмы влияния гендерного разделения труда и установок в принимающем обществе и в стране исхода? В частности, будут ли наблюдаться различия в основании пространства женщинами и мужчинами — мигрантами из Узбекистана и Киргизии, Таджикистана и Казахстана, и т. д.? Во-вторых, как меняется формат освоения городского пространства в зависимости от возраста, семейного положения и характера трудовой деятельности мигрантов? В-третьих, может ли транснациональный характер трудовой миграции на территории постсоветского пространства вместе с низкой степенью интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество привести к возникновению зон компактного проживания мигрантов? Если да, то по какому признаку — этническому, профессиональному, классовому — может происходить подобная группировка? Эти исследовательские вопросы, с нашей точки зрения, актуализируют необходимость изучения миграционных процессов на постсоветском пространстве в привязке к городским исследованиям.

Литература

Абашиш С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. № 4. С. 3–13.

- Баранова В. В., Федорова К. С. (2017). (Не)видимость и (вне)находимость: Трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. Т. 2. № 1. С. 103–121.
- Божечкова А., Кнобель А., Мкртчян Н., Трунин П., Фиранчук А., Флоринская Ю., Хромов М. (2018). Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 13. Июль. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_13-74_July.pdf (дата доступа: 02.06.2020).
- Бредникова О., Ткач О. (2010). Дом дляномады // Laboratorium. № 3. Р. 72–95.
- Бредникова О. Е., Сабирова Г. А. (2015). Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. № 26. С. 127–152.
- Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2013). Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 16. № 3. С. 101–111.
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л. (2014). Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтнических мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. № 3. С. 104–114.
- Веселкова Н. В. (2010). Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 31. С. 5–30.
- Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. (2014). Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. № 597-598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/demoscope597.pdf> (дата доступа: 02.06.2020).
- Зайончковская Ж. А., Витковская Г. С. (ред.). (2009). Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: АдамантЪ.
- Костенко В. В. (2014). Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 17. № 3. С. 62–76.
- Линч К. (1982). Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат.
- Лисицын П. П., Степанов А. М. (2018). Формы взаимодействия низкоквалифицированных трудовых мигрантов и работодателей в принимающих обществах (на примере Греции, России и Франции) // Журнал исследований социальной политики. Т. 16. № 4. С. 611–626.
- Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. (2016). Женская трудовая миграция: информационные аспекты адаптации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. № 2. С. 35–42.
- Митин И. И. (2017). Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики Т. 2. № 3. С. 64–79.
- Орлова В. В., Иванова Е. С. (2014). Ментальные образы города Томска (на примере студентов университета) // Вестник СПбГУ. Социология. Вып. 1. С. 99–108.
- Пешкова В. М. (2018). Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. Т. 26. № 9. С. 167–172.

- Рочева А. Л. (2016). Трансформация гендерных отношений мигрантов в России (на примере мигрантов из Киргизии в Москве). Дисс. ... канд.соц.наук (22.00.04). М.: ИС РАН.
- Степанов А. М. (2018а). Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 11. № 1. С. 116–127.
- Степанов А. М. (2018б). Сравнительный анализ транснациональных практик мигрантов из республик бывшего СССР в России и США. Дисс. ... канд.соц.наук. СПб.: СПбГУ.
- Степанов А. М. (2018в). Транснациональные практики: к вопросу об определении понятия // Петербургская социология сегодня. Вып. 10. СПб: Реноме. С. 38–49.
- Тюрюканова Е. В., Зайончковская Ж. А., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Полетаев Д. В., Флоринская Ю. Ф. (2011). Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: МАКС-Пресс.
- Тюрюканова Е. (2015). Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Демоскоп Weekly. № 653-654. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0653/nauka03.php> (дата доступа: 02.06.2020).
- Штомпка П. (2009). В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / Пер. с англ. Н. В. Романовского // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.
- Faist T. (2010). Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 36. № 10. P. 1665–1687.
- Faist T. (2013). Transnationalism // Gold S. J., Nawin S. J. (eds.). Routledge International Handbook of Migration Studies. L.: Routledge. P. 449–459.
- Fuller G., Chapman M. (1974). On the Role of Mental Maps in Migration Research // International Migration Review. Vol. 8. № 4. P. 491–506.
- Jung H. (2014). Let Their Voices be Seen: Exploring Mental Mapping as a Feminist Visual Methodology for the Study of Migrant Women // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 38. № 3. P. 985–1002.
- Kivisto P., Faist T. (2010). Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration. L: SAGE.
- Glick Schiller N., Basch L., Szanton-Blanc C. (1992). Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Glick Schiller N., Basch L., Szanton-Blanc C. (eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y.: New York Academy of Sciences. P. 1–24.
- Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. (2015). Comparative Sociology as an Inquiry and as a Teaching Discipline: An Attempt of Comparative Analysis // Comparative Sociology. Vol. 15. № 2. P. 143–175.
- Remennick L. (2002). Transnational Community in the Making: Russian-Jewish Immigrants of the 1990s in Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 28. № 3. P. 515–530.

Transnational Migrants in the Urban Space of Modern City

Andrey Rezaev

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Co-Director of the International Research Laboratory "Transnationalism and Migration Processes: Comparative and Institutional Analysis", Saint Petersburg State University

Address: Smolnogo str., 1/3-9, Saint Petersburg, Russian Federation 191124

E-mail: rezaev@hotmail.com

Alexander Stepanov

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, Saint Petersburg State University

Research Fellow, Saint Petersburg State University of Economics

Address: Smolnogo str., 1/3-9, Saint Petersburg, Russian Federation 191124

E-mail: a.m.stepanov@inbox.ru

Pavel Lisitsyn

Candidate of Sociological Sciences, Associated Professor, Saint Petersburg State University of Economics
Associated Professor, Saint Petersburg State University

Address: Sadovaya str., 21, Saint Petersburg, Russian Federation 191023

E-mail: fox_sociology@mail.ru

The paper presents the outcomes of the field research oriented towards studying the usage of urban space by female labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Saint Petersburg in comparison with the practices that they have developed in their places of origin. The paper is based on the sociology of everyday life. The authors focus on the migrants' transnational practices and a scope of their integration into the host society, as well as the perception of the urban space of Saint Petersburg in comparison to the migrants' homelands. The informants for the study were 28 legal transnational labor migrants. The methods of the research are in-depth interviews in combination with mental maps. The hypothesis of the study includes two assumptions. The first is that migrant women from Uzbekistan and Tajikistan have transnational practices that indicate their inclusion in the social networks of both the country of origin and the host society, while their everyday life will be characterized by a rather low degree of integration into the host society. The second assumption is that the mental maps of St. Petersburg that were drawn by the informants are detailed and diverse compared to the mental maps of the place of residence in their homelands. These assumptions were partly confirmed. Results of the inquiry raise new research questions that demand further research of migrant workers to be answered.

Keywords: mental maps, urban space, transnational migration, female migration, transnational practices

References

- Abashin S. (2012) Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nyye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoye obozreniye*, no 4, pp. 3–13.
- Baranova V., Fedorova K. (2017) (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': trudovyye migranty i yazykovoy landshaft Sankt-Peterburga [(In)visibility and being (Out/in)side: Labor Migrants and the Linguistic Landscape of Saint Petersburg]. *Urban Studies and Practices*, vol. 2, no 1, pp. 103–121.
- Bozhechkova A., Knobel' A., Mkrtychyan N., Trunin P., Firanchuk A., Florinskaya YU., Khromov M. (2018) Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Monitoring of the Economic Situation in Russia: Trends and

- Challenges of Socio-Economic Development]. Available at: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_13-74_July.pdf (accessed 2 June 2020).
- Brednikova, O., Sabirova G. (2015) *Deti v migrantskih sem'yah: roditel'skie strategii v transnacional'nyh kontekstah* [Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts]. *Forum for Anthropology and Culture*, no 26, pp. 127–152.
- Brednikova O., Tkach O. (2010) *Dom dlya nomady* [House for Nomad]. *Laboratorium*, no 3, pp. 72–95.
- Demintseva E, Peshkova V. (2014) *Migranty iz Sredney Azii v Moskve* [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoskop Weekly*, no 597-598. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/demoscope597.pdf> (accessed 2 June 2020).
- Faist T. (2010) *Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions*. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1665–1687.
- Faist T. (2013) *Transnationalism*. *Routledge International Handbook of Migration Studies* (ed. S. J. Gold, S. J. Nawin), London: Routledge, pp. 449–459.
- Fuller G., Chapman M. (1974) *On the Role of Mental Maps in Migration Research*. *International Migration Review*, vol. 8, no 4, pp. 491–506.
- Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. (1992) *Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration*. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered* (eds. N. Glick Schiller, L. Basch, C. Szanton Blanc), New York: New York Academy of Sciences, pp. 1–24.
- Jung H. (2014) *Let Their Voices be Seen: Exploring Mental Mapping as a Feminist Visual Methodology for the Study of Migrant Women*. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 3, pp. 985–1002.
- Kivisto P., Faist T. (2010) *Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration*, London: SAGE.
- Kostenko V. (2014) *Teorii migracii: ot assilyacii k transnacionalizmu* [Theories of Migration: from Assimilation to Transnationalism]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no 3, pp. 62–76.
- Linch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City], Moscow: Strojizdat.
- Lisitsyn P., Stepanov A. (2018) *Formy vzaimodejstviya nizkokvalificirovannyh trudovyh migrantov i rabotodatelej v primajushih obshchestvah (na primere Grecii, Rossii i Francii)* [Forms of Interaction of Low-Skilled Labor Migrants and Employers in Host Societies (the Cases of Greece, Russia, and France)]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 16, no 4, pp. 611–626.
- Mikidenko N., Storozheva S. (2016) *Zhenskaya trudovaya migraciya: informacionnye aspekty adaptacii* [Female Labor Migration: Informational Aspects of Adaptation]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, vol. 2, pp. 35–42.
- Mitin I. (2017) *Mental'nye karty goroda: istoriya ponyatiya i raznoobrazie podhodov* [Mental Maps of the City: the History of the Concept and a Diversity of Approaches]. *Urban Studies and Practices*, vol. 2, no 3, pp. 64–79.
- Orlova V., Ivanova E. (2014) *Mental'nye obrazy goroda Tomska (na primere studentov universiteta)* [Mental Images of the City of Tomsk (the Case of University Students)]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, no 1, pp. 99–108.
- Peshkova V.M. (2018) *Material'nyy mir migrantov v kontekste transnatsional'noy migratsii v Rossii* [The Physical World of Migrants in the Context of Transnational Migration in Russia]. *Power*, vol. 26, no 9, pp. 167–172.
- Remennick L. (2002) *Transnational Community in the Making: Russian-Jewish Immigrants of the 1990s in Israel*. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 28, no 3, pp. 515–530.
- Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. (2015) *Comparative Sociology as an Inquiry and as a Teaching Discipline: An Attempt of Comparative Analysis*. *Comparative Sociology*, vol. 15, no 2, pp. 143–175.
- Stepanov A. (2018) *Transnacional'nyj podhod v sovremennyh migracionnyh issledovaniyah* [Transnational Approach in Contemporary Migration Studies]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no 1, pp. 116–127.
- Stepanov A. (2018) *Sravnitel'nyj analiz transnacional'nyh praktik migrantov iz respublik byvshego SSSR v Rossii i SShA* [Comparative Analysis of Transnational Practices of Migrants from the Republics of the Former USSR in Russia and the USA] (PhD Thesis), Saint Peterburg: SPBGU.

- Stepanov A. (2018c) Transnacional'nye praktiki: k voprosu ob opredelenii ponjatija [Transnational Practices: On the Question of Defining a Concept]. *Peterburgskaja sociologija segodnja. T. 10* [Saint-Petersburg Sociology Today, Vol. 10], Saint Petersburg: Renome, pp. 38–49.
- Sztompka P. (2009) V fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn': novyj povorot v sociologii [The Focus of Attention is Everyday Life. A New Turn in Sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 3–13.
- Tyuryukanova E., Zayonchkovskaya Z., Karachurina L., Mkrtychyan N., Poletayev D., Florinskaya Y. (2011) *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Migrant Women from the CIS Countries in Russia], Moscow: Maks Press.
- Tyuryukanova E. (2015) Gendernye aspekty trudovoj migracii iz stran SNG v Rossiyu [Gender Aspects of Labor Migration from the CIS Countries to Russia]. *Demoskop Weekly*, no 653-654. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0653/nauka03.php> (accessed 2 June 2020).
- Vandyshchev M., Veselkova N., Pryamikova E. (2013) Mesta pamyati i simvolicheskij kapital territorij v mental'nykh kartah gorozhan [Memory Space and Symbolic Capital of Territories in the Mental Maps of Citizens]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 16, no 3, pp. 101–111.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2007) Integraciya migrantov na mestnom urovne: rezul'taty nauchno-prakticheskogo proekta [Local Migrant Integration: Results of a Scientific and Practical Project]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 110–117.
- Varshaver E., Rocheva A. (2014) Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov v Moskve [Communities in Cafes as an Environment for the Integration of Different Ethnicity Migrants in Moscow]. *Monitoring of Public Opinion*, no 3, pp. 104–114.
- Veselkova N.V. (2010) Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktiki ispol'zovaniya [Mental Maps of the City: Questions of Methodology and Practice of Using]. *Sociologiya 4M*, no 31, pp. 5–30.
- Zayonchkovskaya Z., Vitkovskaya G. (eds.) (2009) *Postsovetskie transformacii: otrazhenie v migraciyah* [Post-Soviet Transformations: Reflection in Migration], Moscow: Adamant.